

Вэйян принёс древнее бронзовое зеркало, но Юй Цинъинь остановил его жестом:

— Убери. Теперь я и так знаю, кто это.

Симин, стоявший рядом, тут же вернул себе насмешливый вид. Он сорвал цветок монохории, бросил его в чашу и поддразнил:

— Ваше Величество, неужели вы наконец-то решили покинуть свои покои и выйти в свет?

Юй Цинъинь лишь покачал головой:

— Лишь бы не столкнуться в мире смертных с Эрлан-шэнем.

— Боишься встречи с ним? — Симин в душе посочувствовал Небесному Судье. — Зная твой нрав, ты скорее выманишь у него Сяотяня Цюаня, чтобы пустить бедного пса на жаркое.

— Симин, неужели в твоих глазах я настолько коварен и жесток? — спросил Юй Цинъинь, в точности копируя его недавний тон. — К тому же, облик Сяотяня Цюаня мне всегда был по душе. Как же у меня поднимется рука его съесть?

Симин поднялся. Про себя он съязвил, что эту «птицу» в Сяотяне Цюане привлекает исключительно смазливая внешность его человеческой формы, но вслух лишь притворно отвесил церемонный поклон:

— Маленький бессмертный давно восхищается великодушием и милосердием Главы павильона. Сегодня я нанёс визит лишь с одной целью — выпросить кувшин доброго вина.

Он внезапно что-то вспомнил, выпрямился и прищурился.

— «Чжуецин» ещё остался?

— Чай? — Юй Цинъинь поднёс к губам чарку и сделал крохотный глоток.

Чжуецин — чай высшего сорта.

— Цинъинь, ты прекрасно понимаешь, о чём я, — прищурился Симин.

— «Лишь чарка бамбука нутро согреет — и лик цветом персика заалеет»?

Вино «Чжуецин». Юй Цинъинь не рискнул бы хвастаться чем-то иным, но в том, что касалось чая и вина, коллекция павильона Юйсюань была непревзойдённой.

— Ха-ха! «В золотой чаше бамбук благоухает; пяти чаш мало, и десять тоску не унимают»! Вэйян, носи вино! Сегодня пьём, пока не свалимся!

Служивший им Вэйян лишь тихо вздохнул. Похоже, этой ночью ему снова придётся наводить порядок за двумя пьяницами.

Дождь мерно стучал по крыше. Прохладные капли срывались с карнизов, выбивая неторопливый ритм, будто кто-то лениво перебирал струны циня. В придорожной чайной лавке приказчик вполголоса переговаривался с хозяином — всё о том же: в такую морось посетителей будет вдвое меньше обычного. На улице, окутанной дымкой, почти никого не было. Из тумана донеслись торопливые шаги. Человек шёл без зонта; должно быть, он провёл под дождём немало времени — одежда пропиталась влагой насквозь.

В этом затуманенном мареве Юй Цинъинь вдруг осознал, что этот прохожий — он сам.

Прикрывая лоб ладонями, он бежал сквозь пелену, пока не заметил навес чайной лавки и не нырнул под него. Оказавшись в сухости, Цинъинь облегчённо выдохнул и принялся поправлять мокрую одежду. Промокшие пряди липли к лицу, капли стекали по щекам. Пока он приводил в порядок волосы, кто-то изящной рукой протянул ему белый шёлковый платок.

Он с удивлением посмотрел на женщину.

— Если не побрезгуете, воспользуйтесь этим.

Улыбка женщины была мягкой, словно тихая заводь, а голос — таким тихим и нереальным, будто шелест дождя.

— Благодарю за доброту, госпожа. Позвольте принять ваше подношение.

Юй Цинъинь взял платок и принялся вытирать лицо.

— Не сочтите за дерзость, но что привело вас на улицу в такую непогоду? — женщина тепло улыбнулась ему. — Меня зовут Цинхуань. А как мне величать тебя, сестрица?

Госпожа? Сестрица? Цинъинь замер.

— Ты... — Невольно он едва не прыснул со смеху. Если оставить в стороне странности этой дамы, то «сестрицей» его называли впервые. Мало того, что он был мужчиной, так ещё и прожил на свете в десятки раз больше этой Цинхуань.

Заметив его замешательство, Цинхуань прикрыла рот тонкой ладонью и тихо рассмеялась:

— Сестрица, должно быть, уже заметила? Я ведь не из живых, — она осеклась, и улыбка сошла с её лица, уступив место невыразимой, глубокой печали. — Я призрак.

Юй Цинъинь вздохнул и перебросил влажные волосы за плечо:

— Раз уж ты стала бесплотной душой, почему не последовала за стражами в Преисподнюю, чтобы войти в круг перерождений? Зачем скитаешься в мире людей?

Они стояли под навесом бок о бок, глядя, как перед ними струится нескончаемый дождь.

— Есть души, лишённые пристанища.

В пыли земного мира действительно встречались призраки, чей путь к реинкарнации был закрыт. Виной тому могла быть вековая обида, не нашедшая правосудия, или земная привязанность, ставшая цепью, а порой — чужие чары. Так или иначе, эти души не знали ни свободы, ни нового рождения.

Обычно смертные не смеют вмешиваться в дела Шести путей, но Юй Цинъинь издавна водил дружбу с наследным принцем призраков и кое-что смыслил в законах Подземного царства Юймин. Эта женщина не казалась одержимой злобой или страстью. Похоже, дело было куда сложнее.

На лице Цинхуань отразилось смятение, которое было не так-то просто распутать. Цинъинь понимал: за этим кроется тайна, которую не выведать за один присест.

—... Сестрица, ты так хороша даже в мужском одеянии. Уверена, в женском наряде твоя красота могла бы затмить луну.

Цинхуань внезапно сменила тему, принявшись расхваливать его внешность.

Юй Цинъинь смиренно улыбнулся:

— Вы мне льстите, госпожа.

Его приняли за женщину и отвесили комплимент — стоило ли радоваться или сокрушаться?

— Этот пейзаж, эта встреча... — Цинхуань пристально всмотрелась в его лицо и тяжело вздохнула. Цинъинь почувствовал неладное. — Всё это напоминает мне о том дне. Такой же моросящий дождь, такой же ветхий навес... и тот, кого я встретила, прячась от непогоды...

Юй Цинъинь вскинул бровь. Лед тронулся.

— О? — многозначительно протянул он.

Облик Цинхуань стал ещё более скорбным. Эта густая печаль застыла на её лице маской, лишая красоты и яркости, будто цветок, который начал увядать, не успев распуститься.

Юй Цинъинь любил слушать чужие истории — особенно если под рукой было хорошее вино. При этой мысли он усмехнулся про себя, отбросив идею затащить Цинхуань в чайную, и уже собрался расспросить её подробнее, как вдруг чья-то настойчивая аура вырвала его из забытья.

— Глава, Глава павильона, очнитесь, — Вэйян осторожно, но настойчиво тряс его за плечо. Этот мальчик всегда знал меру, и придаться к его действиям было невозможно. — Вас мучил кошмар?

— Нет.

Юй Цинъинь приподнялся, огляделся и попытался восстановить в памяти события перед сном.

На следующий день после того, как Симин сообщил о проблемах в делах, они покинули горы Цишань. Цинъинь отправился в мир смертных, чтобы разыскать заказчицу. Он не ожидал, что та сама пришлёт людей на перехват с приглашением посетить её поместье. Сейчас они с Вэйяном ехали в карете на эту встречу.

Раз уж они здесь, визит к заказчице сэкономит ему немало времени.

Однако сон был в высшей степени странным. Цинхуань — та самая змеиная бессмертная, о которой говорил Симин, и именно она пригласила Цинъиня. Почему же во сне она явилась ему неприкаянным призраком?

— Раз уж вы прибыли в мир смертных, не желаете навестить молодого господина Му?

Снаружи всё ещё лил дождь. Вэйян заботливо набросил на плечи Юй Цинъиня верхнее одеяние. Упомянутый им Му — тот самый смертный, чей талант готовить побеги бамбука так превозносил Симин.

— Не к спеху. Сначала закончим дела.

Юй Цинъинь плотнее запахнул одежду. Дождь разошёлся не на шутку, и в карете стало зябко.

— Глава, ведь история с бобами тоски... она ведь очень важна? — Внезапно Вэйян задал вопрос, казавшийся совершенно неуместным.

Юй Цинъинь повернулся к нему. С чего бы вдруг?

Бобы тоски, накипь тоски — всё это было необходимо ему, чтобы продлевать жизнь. Пока он хочет существовать в этом мире, это — его единственное лекарство.

После «Нирваны» Юй Цинъинь формально выжил, но это нельзя было назвать полноценной жизнью. Перед перерождением его изначальный дух почти развеялся. И хотя его удалось собрать воедино, Юаньдань — ядро, удерживающее душу, — было пронзено мечом. Треснувший кристалл не подлежал восстановлению. Для любого божества или линшэня разрушение этого «сердца» означает неминуемое исчезновение — полное и окончательное, хуже смерти призрака. Цинъинь не помнил, кто нанёс ему ту рану, но враг явно ненавидел его до глубины души. Трудно представить, каким он был до Нирваны, если заслужил такую лютую злобу.

Симин как-то обронил: если бы он увидел Цинъиня в тот момент, то самолично вырыл бы могилу на Цишани и поставил памятник. Ради спокойствия всех трёх миров такое «бедствие» спасти не следовало.

Судя по всему, в прошлом Юй Цинъинь и впрямь был тем ещё мерзавцем.

Однако небо не отвернулось от него. Он встретил «Наблюдателя», который вложил красные бобы взаимной тоски в его грудь вместо разбитого ядра, вновь собрал его сущность и провёл через перерождение.

Чем можно отплатить за такое спасение?

Но Наблюдателю не нужна была плата. Ему нужна была цена — цена жизни. Юй Цинъинь должен был не только возглавить павильон Юйсюань, но и заключать сделки, добывая бобы тоски, чтобы поддерживать своё существование. Проще говоря: хочешь жить — продолжай разрушать чужие союзы.

— Ты что же, боишься, что я решу свести счёты с жизнью? — Цинъинь рассмеялся и потрепал Вэйяна по макушке.

Этот ребёнок был слишком серьёзен для своих лет и всегда тревожился о других больше, чем о себе.

— Жизнь — штука не самая весёлая, но в этом мире всё ещё есть те, кому я нужен. Так что я не стану губить себя ради чужого счастья.

Юй Цинъинь приоткрыл занавеску, оценивая силу ливня.

— Будь спокоен.

Вэйян лишь закусил губу, не проронив ни слова.

К тому моменту, как они прибыли на место, дождь утих. Юй Цинъинь отложил сомнения по поводу сна на потом.

Карета остановилась перед высокими алыми воротами. Над ними красовалась чёрная лакированная табличка с золотыми иероглифами: «Поместье Су». Вэйян спрыгнул на землю и протянул руку, чтобы помочь господину выйти. Юй Цинъинь, отряхнув полы одеяния, взглядом велел ему отступить.

Поняв намёк, юноша отошёл в сторону.

Юй Цинъинь легко соскочил с подножки.

— Поместье Су? — Он прищурился, разглядывая броскую табличку. — Это ещё кто?

Человек, встречавший их, передал лошадей стражникам и подошёл к Цинъиню:

— Господин не знает нашего хозяина?

Юй Цинъинь на мгновение задумался.

Дело было не в его невежестве или затворничестве в павильоне. Просто мир смертных в эту эпоху раздирали междоусобицы. В этом хаосе сражающихся царств разве можно упомянуть каждого вельможу? В конце концов, он не бог богатства или удачи, чтобы следить за судьбой каждого чиновника.

— Су... Су... как же его там? — Цинъинь постучал веером по лбу. — Совсем память дырявая.

— Вы пытаетесь вспомнить имя заказчика? — видя его мучения, спросил Вэйян.

— Су Ицю, — не выдержал провожатый.

Юй Цинъинь хлопнул в ладоши:

— Точно! Именно так его и зовут!

— Так господин всё-таки знает моего господина?

Знает? Да ни капли.

Су Ицю — объект воздыханий Цинхуань, тот самый бессмертный под началом Владыки Вэньцуй, что сошёл в мир смертных для испытания. Он был тем узлом, который Циньиню предстояло разрубить.

— Ещё бы не знать. Я ведь тот самый сводник, что устроил брак вашего господина и его дражайшей супруги.

Юй Циньинь врал напрапалую, даже не моргнув глазом. Сейчас было выгодно прикинуться старым знакомым, чтобы позже было проще повернуть свои тёмные дельца. Однако эта мысль мигом улетучилась, стоило ему увидеть «хозяйку» дома. Напакостить Су Ицю? Нет, в этом больше не было нужды. Теперь он мог действовать в открытую — главное, чтобы обошлось без трупов.

<http://bllate.org/book/17464/1692376>